

Рецензии. Отклики на публикации журнала
评论. 对在本杂志上所出版物的答复
Reviews. Responses to the Publishing of the Journal

УДК 94(510)

История Маньчжурии и государства Маньчжоу-Го: марионеточное государство или квази-государство? (Рецензия на коллективную монографию:

Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки / П.Н. Дудин, В.В. Досовицкая, Л.В. Курас, С.В. Карасев, А.В. Тубчинов, В.М. Фоменко, Б.Д. Цыбенков, А.В. Шемелин / науч. ред. Б.В. Базаров. — Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. — 254 с.)

А.П. Суходолов, Ю.В. Кузьмин, М.П. Рачков

Байкальский государственный университет, Иркутск,
Российская Федерация

Дата поступления: 03.03.2017

Дата принятия к печати: 17.04.2017

满洲和伪满州国的历史：傀儡国家或准国家？ (集体专着的评论：满洲国的公共和准性质：史论 / P. Dudin, V. Dosovitskya, L. Kuras, S. Karasev, A. Tubchinov, V. Fomenko, B. Zibenov, A. Shilemin/ 科学编辑 B. Bazarov. — 伊尔库斯克: 出版社 «Ottisk», 2016. — 254 页)

Sukhodolov A.P., Kuzmin Y.V., Rachkov M.P.

贝加尔国立大学,
伊尔库茨克, 俄罗斯联邦

结稿日期: 2017年3月3日

出版日期: 2017年4月17日

The History of Manchuria and the State of Manchukuo: a Puppet State or a Quasi-State? (Review of the collective monograph: The state and quasi-state nature

of Manchukuo: historical essays / P. Dudin, V. Dosovitskya, L. Kuras, S. Karasev, A. Tubchinov, V. Fomenko, B. Zibenov, A. Shilemin/ scientific editor B. Bazarov. — Irkutsk: Publishing house «Ottisk», 2016. — 254 p.)

Sukhodolov A.P., Kuzmin Y.V., Rachkov M.P.

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Received: March 03 2017

Accepted: April 17 2017

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН опубликовали коллективную монографию «Государственная и квази-государственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки» (2016 г.). Книга посвящена сложной проблеме сущности и особенности государства Маньчжоу-Го (1932–1945 гг.) или Даманьчжоу-диго (Великая Маньчжурская империя) на территории Северо-Восточного Китая, созданного милитаристской Японией как колония и плацдарм для дальнейшего расширения зависимой территории.

Длительное время в советской и постсоветской историографии Маньчжоу-Го рассматривалось только как марионеточное государство, созданное Японией, для реализации своих захватнических целей. Чаще всего его изучали в связи с военным конфликтом или войной на Халхин-Голе в 1939 г. и как плацдарм нападения Квантунской армии на СССР в годы Великой Отечественной войны. Внутренняя история и сущность государства Маньчжоу-Го изучалась односторонне, с преобладанием идеологической составляющей. Авторы коллективной монографии предлагают собственную трактовку сущности государства и международного статуса Маньчжоу-Го, отличного от общепринятого в российской исторической науке.

Авторский коллектив (доктора наук, профессора Л. В. Курас, С. В. Карасев, А. В. Шемелин; кандидаты наук П. Н. Дудин, В. В. Досовицкая, В. М. Фоменко, Б. Д. Цыбенков, аспирант А. В. Тубчинов), подготовившие исторические очерки, профессионально длительное время занимаются данными вопросами истории Маньчжурии и Маньчжоу-Го, поэтому разделы подготовлены на высоком научном уровне. Автором идеи и руководителем данного проекта выступил канд. полит. наук, доцент П. Н. Дудин, а исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Квазигосударства Внутренней Азии: проблема государственности в контексте борьбы наций за самоопределение». Содержание монографии отличается значительным и оригинальным фактическим материалом, ранее неизвестным, взвешенность исторических оценок и характеристик, даже некая нейтральность описания событий. В научный оборот впервые вводится значительный массив архивных материалов из Архива Внешней политики РФ, РГАСПИ, ЦА ФСБ РФ, ЦА Министерства обороны РФ, периодической печати Маньчжоу-Го.

Ряд проблем истории Маньчжоу-Го впервые формулируется в данной монографии: международное признание и правовая идеология государства (П. Н. Дудин, А. В. Шемелин, А. В. Тубчинов), реорганизация и развитие инфраструктуры телеграфной и почтовой связи, радио, развитие системы образования и здравоохранения, кинематографии (В. М. Фоменко), особенности японской эмиграции (В. В. Досовицкая), а также история дауров и их борьба с японскими оккупантами в период Маньчжоу-Го (Б. Д. Цыбенков), пленение японо-маньчжурской военной группировки войсками РККА в августе — сентябре 1945 г. (С. В. Карасев).

Систематизирован и обобщен материал по японской и русской эмиграции в Маньчжоу-Го (В. В. Досовицкая, Л. В. Курас).

В коллективной монографии привлечены и использованы научные результаты предшественников изучения данной проблемы: Н. Н. Аблажей, Н. Е. Абловой, Е. Е. Аурилене, Б. В. Базарова, С. С. Балмасова, В. И. Голдина, А. М. Дубинского, Г. Ф. Захаровой, К. А. Караевой, И. Б. Кейдун, С. В. Карасева, С. И. Кузнецова, Л. В. Кураса, Я. А. Елисеевой, И. А. Латышева, Г. В. Мелихова, В. Э. Молодякова, Э. В. Молодяковой, С. В. Онегиной, А. В. ПолUTOва, Б. Г. Сапожникова, В. Н. Усова, А. А. Хисамутдинова, И. В. Чапыгина, К. Е. Черевко, Е. Н. Чернолуцкой, а также значительное число зарубежных исследователей.

Представляется, что новое определение «квазигосударство» в отношении Маньчжоу-Го несомненно вызовет в современной исторической и политической науке дискуссии и обсуждения. Авторы концепции предлагают отказаться от термина «марионеточного государства», который не является научным и «воспроизводит лишь политическую позицию» (с. 10). В то же самое время не утверждается о полноценности государственной природы Маньчжоу-Го и самостоятельности страны. «Поэтому в отношении исследуемого политического феномена уместно использовать термин «квазигосударство», которое впервые было введено в научный оборот Р. Х. Джексоном и К. Росбергом» применительно к постколониальным политическим организациям» (с. 11). По нашему мнению, можно признать большую самостоятельность, чем считалось ранее, учитывая международное признание Маньчжоу-Го 23 странами мира из 80 существующих государств на тот период, в числе и СССР. Действительно, можно признать, что страна имела многие внутренние признаки государственности, однако внешний фактор уничтожал и перечеркивал эту самостоятельность. Однако, термин «квазигосударство» в отношении Маньчжоу-Го затушевывает его истинную сущность «мнимого», «не настоящего» государства и полной зависимости от Японии. Фактор полного подчинения Японии признают и авторы монографии: «японцами было создано квазигосударство Маньчжоу-Го, которое, по существу, находилось под полным управлением Японии» (с. 30). Признавая важность и необходимость более точного определения сущности государственной природы Маньчжоу-Го, тем не менее, считаем термин «марионеточное государство» вполне научным и более точно отражающим реальную природу данной страны.

Отмечаем также, что в коллективной монографии имеются другие различные определения в отношении Маньчжоу-Го: «протекторат»

(с. 8), «колония» (с. 9), что подчеркивает сложную социальную и международную природу данного государственного образования и неопределенность характеристик данного государства.

В первой главе «Идея о паназиатском государстве и начало ее реализации в Северо-Восточном Китае» (с. 13–41) проанализированы вопросы идеологической платформы Маньчжоу-Го, формирования административно-политического аппарата управления Маньчжурией, подготовки чиновников, преданных японскому режиму, место и роль императора Пу И, ключевая роль японского военного руководства в стране. «Японцы рассматривали Китай не только как удобный плацдарм для воплощения в жизнь своих экспансионистских планов, но и площадку для реализации идеи о паназиатском государстве, которое должно было территориально объединить Китай, Монголию, Маньчжурию, Корею и Японию» (с. 14). В работе прослежена эволюция идеи паназиатского государства: от идеи миссии императора, к идее «Великой Восточноазиатской Сферы Сопроцветания» и Меморандуму Танаки. Отмечается, что план по созданию паназиатского государства делится на «план-минимум» и «план-максимум». «План-минимум» заключался в территориальном объединении Японии, Кореи, Маньчжурии, Монголии и Китая государством под предводительством Японии. «План-максимум» включал в себя объединение, помимо этих стран, территорий Индии, Турции, Афганистана, Советского Союза, Персии и т.д.» (с. 18). Во втором варианте речь шла о экономическом объединении, а не территориальном, вытеснению англичан из данной зоны влияния (с. 19). По мнению авторов, «Маньчжурия должна была стать не просто типичной колонией, а развитым центром единения «пяти дружественных народов» (китайцы, корейцы, маньчжуры, монголы, японцы). Основной задачей на будущее было не только формальное, но территориальное объединение этих народов» (с. 20). Разумеется, японцы по главе этого государства как богоизбранная нация.

По оценке авторов, «спокойная реакция Китая и мировой общественности на «маньчжурский инцидент» была обусловлена тем, что захват Маньчжурии произошел без ведома правительства Японии» (с. 23), которое только в декабре 1931 г. после смены правительства одобрило действия военных в Северо-Восточном Китае. Как известно, Лига Наций в декабре 1932 г. признала Японию агрессором и потребовала вывести свои войска из Маньчжурии, в 1933 г. Япония вышла из состава Лиги Наций.

Некоторые положения в коллективной монографии носят неясный характер. Так отмечается, что «за период существования Маньчжоу-Го население увеличилось на 18 миллионов человек, прежде всего за счет привлечения японских поселенцев. Японское правительство имело планы по переселению за период 1936–1956 гг. до 5 млн человек. В период 1938–1942 гг. в Маньчжоу-Го прибыло 200 тыс. молодых японских переселенцев, однако вследствие потери контроля над Желтым морем, миграция приостановилась» (с. 47). Возникает закономерный вопрос, за счет кого увеличилось население страны? Видимо, основное пополнение населения все-таки шло за счет миграции китайского населения, а не японских переселенцев. Как известно, китайскую миграцию в Маньчжоу-Го японские власти жестко контролировали и регулировали. Позднее, в третьей главе также называется уточненный размер японских мигрантов за весь период существования Маньчжоу-Го — 270 тыс. человек (с. 155).

В монографии справедливо отмечается, что ключевую роль в Маньчжоу-Го играла Квантунская армия и Маньчжурская императорская армия, Управление государственной безопасности (с. 8). Эти и другие силовые структуры постоянно упоминаются в коллективной монографии, однако специального раздела и их характеристики в работе нет, хотя она нужна для полного и точного представления степени самостоятельности государства Маньчжоу-Го. Разумеется, история их деятельности известна специалистам, но при обосновании новой концепции, необходима их современная трактовка.

В третьей главе «Политика Японии в Маньчжоу-Го» (В. М. Фоменко) (с. 53–143) представлен интересный и оригинальный материал о развитии инфраструктуры телеграфной и почтовой связи, радиовещания и военной связи, периодической печати, системы образования и здравоохранения, а также прояпонской кинематографии и религиозной политики и введение синтоизма марионеточными властями. Раздел построен на архивных документах Архива внешней политики РФ, периодической печати, исследованиях российских и зарубежных авторов; фактический и статистический материал читается с большим интересом о действиях и эффективности «мягкой силы» Японии в Маньчжоу-Го. Японские власти использовали радио, периодическую печать, кинематограф, систему образования для формирования прояпонских настроений и проведения различных информационных и пропагандистских акций для укрепления собственного режима. Разумеется, вся инфраструктура была необходима и японским властям, военным и по-

селенцам для эффективного управления и функционирования Маньчжоу-Го. Можно согласиться с В. М. Фоменко, что «социокультурная политика Японии в Маньчжурии была многогранной как с положительными, так и отрицательными аспектами» (с. 142). Особенно противоречивой была деятельность японцев в области здравоохранения, когда, с одной стороны, создавались больницы и лечебные пункты, боролись с массовыми заболеваниями (чумой, туберкулезом); а, с другой стороны, проводили варварские опыты над людьми («Отряд 731»), в результате которых погибло около 10 тысяч человек, а от полевых испытаний бактериологического и химического оружия в Китае погибло 250 тыс. человек (с. 106).

Четвертая глава «Японская иммиграция в Маньчжоу-Го» (В. В. Досовицкая) (с. 144–160) рассматривает и анализирует два этапа японской колонизации в Маньчжурию: 1. Первая треть XX в. (1905–1931 гг.); 2. 1932–1945 гг. По данным автора, на первом этапе известны только три случая организованной иммиграции японцев в Маньчжурию. «По японской статистике, к 1930 г. в Маньчжурии проживало 1 100 семей. Все жили в Квантунской области или вдоль линий ЮМЖД, то есть на землях, которые находились под японской юрисдикцией (749 семей занимались только сельским хозяйством и 351 семья — частично сельским хозяйством» (с. 148). Второй этап делится на два этапа: «пробных» или «экспериментальных» переселенцев (1932–1936 гг.); «массовой иммиграции японцев в Маньчжурию» (1937–1945 гг.). Всего за период пробной эмиграции иммигрировало больше 15 тыс. человек (без учета вернувшихся) (с. 153).

На основе японских данных, представлены материалы о японских переселенцах, которые были в основном из депрессивных районов Японии, японцы планировали, что через 20 лет население Маньчжурии составит 50 млн человек (с. 153). Однако, этим планам не удалось реализоваться, «всего переселилось 942 группы крестьян, что составило 102 239 хозяйств, или 219 338 человек» (с. 155). По другим данным, общее количество переселенцев оценивается от 220 до 320 тыс. человек (с. 155). Японские власти сделали серьезную ставку на молодых людей из крестьянских семей, из которых создавали специальные отряды, всего было завербовано 86 тыс. молодых людей, которые проходили военную службу и обучались ведению сельского хозяйства и селились в пограничных районах. Специальный раздел главы посвящен причинам провала программы переселения (с. 156–160). Основными причинами называются: суровый климат и освоенность плодородных земель китайскими крестьянами, отставание японцев в

сельскохозяйственных технологиях и недостаток технических специалистов, антияпонские настроения китайских жителей и так называемый «бандитизм», убийство японцев. Отмечается трагическая судьба японских переселенцев, так как в начале войны все мужчины были призваны в армию, оставшиеся в деревнях старики, женщины и дети были брошены японским правительством и Квантунской армией на произвол судьбы: «Когда в Маньчжурию пришли советские войска, многие японцы покончили жизнь самоубийством, кто-то умер от болезней и голода. К концу войны из 270 тыс. переселенцев погибли 80 тыс. человек, большинство из которых составили женщины и дети» (с. 159).

Пятая глава «Русская эмиграция в Маньчжоу-Го (по материалам советской разведки)» подготовлена профессором Л. В. Курасом — автором многочисленных статей по истории российской диаспоры в Маньчжурии, особенно в Харбине. Представлена полная и всесторонняя информация о численности, органах управления эмигрантов, политических организациях российской эмиграции, национальные, культурные и литературные объединения эмигрантов. Несомненным достоинством главы является представленная историография и источниковедение проблемы (с. 162–167), что дает точное представление о современном этапе изучения темы. Автором использованы архивные материалы Центрального архива ФСБ РФ, особый фонд (уголовное дело атамана Г. М. Семенова (25 томов), трехтомное издание материалов по белой эмиграции в Маньчжурии, подготовленное в 1942 г. разведывательным управлением по Читинской области, агентурные данные из архива Управления ФСБ по Республике Бурятия.

В главе дана оригинальная информация об основных политических организациях российской эмиграции в Маньчжурии: Российском фашистском союзе, монархических объединениях, военных организациях эмигрантов, организациях молодежи, национальных организациях армян, грузин, евреев, татар, украинцев. Отдельно проанализирована деятельность литературных и научных организаций и обществ эмигрантов: литературно-художественный кружок им. Н. А. Байкова, литературно-художественный кружок молодежи имени генерала Краснова, кружок при Коммерческом училище. Советская разведка также освещала деятельность вузов: Северо-Маньчжурский университет, Медицинский институт, Харбинский политехнический институт, Харбинский государственный университет, Железнодорожный институт, Институт ориентальных и коммерческих наук. Отличительной чер-

той российской эмиграции, по мнению автора, является ее «двухслойность». «Первый слой — это эмиграция, которая создавалась еще до 1917 г. в полосе отчуждения КВЖД; второй — из числа прибывших после Гражданской войны, бывших подданных Российской империи» (с. 189), около 50 тыс. человек являлись гражданами СССР и работали до 1935 г. на КВЖД.

Японские власти взяли под жесткий контроль российскую эмиграцию и использовали в своих целях: «открыли для эмигрантов специальные курсы под руководством японских офицеров для подготовки будущей агентуры с целью заброски на территорию СССР, а также сотрудников для агентурно-разведывательной работы при японских миссиях за рубежом. Причем вербовка, ввиду нехватки добровольцев, осуществлялась насильно» (с. 191).

Шестую главу коллективной монографии «Дауры в период Маньчжоу-Го» (с. 192–211) подготовил Б. Д. Цыбенков, автор монографии «История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки» (2012 г.), что выразилось в высоком научном уровне представленного раздела, его оригинальном материале. История дауров действительно мало известна в российском монголоведении. Автор показывает усиление контроля и регулирования и эксплуатации даурского населения, в результате японской оккупационной политики «дауры, как и другие народы Северо-Восточного Китая, полностью потеряли право на самостоятельность» (с. 195).

Интересный материал представлен по экономической политике Маньчжоу-Го по отношению к даурам. Сельскохозяйственное производство попало под жесткий контроль японских властей, уменьшилось поголовье скота дауров, охотничье хозяйство пришло в упадок. Также уничтожались китайские и маньчжурские книги, которые хранились у дауров, проводилась политика по стимулированию выращивания опиума и его продажи населению, что пагубно влияло на местное население (с. 197).

Автор отмечает, что Япония полностью контролировала все ресурсы страны. Однако, с другой стороны, по заключению Б. Д. Цыбенкова «Маньчжурия из отсталой окраины превратилась в индустриально-аграрный район с развитой инфраструктурой и преобладанием тяжелой промышленности. В истории колониальной системы империализма это был первый (наряду с Кореей) яркий пример колонии индустриального типа» (с. 197). Таким образом, разрушалась традиционная система хозяйства дауров и создавалась на оккупированной территории промышленность, результаты которой поступали японцам. Признание позитивных последствий японской

колонизации Маньчжурии также заслуживает обсуждения в российском востоковедении.

Приведены многочисленные факты борьбы дауров с японскими оккупантами, партизанское движение и подпольные организации дауров. Материал носит персональный характер, воссоздает имена конкретных патриотов, показывает героизм и стремление к независимости дауров, которые имеют глубокие исторические корни. Многие подпольщики-дауры оказали значительную помощь разведывательным органам СССР и МНР важной оперативной информацией, проявив мужество и стойкость.

К сожалению, у читателя может сложиться ложное представление, что с японским оккупационным режимом боролись только дауры, что, разумеется, не соответствует действительности, так как в ней участвовали представители всех живущих в Маньчжоу-Го народов. Во всех других разделах даже кратко это не упоминается. Правда, жанр очерков предполагает выбирать вопросы для исследования.

Заключительная глава коллективной работы «Пленение японо-маньчжурской военной группировки войсками РККА в августе — сентябре 1945 г.» (с. 212–236) подготовлена профессором С. В. Карасевым на архивных материалах Центрального архива Министерства обороны РФ и насыщена оригинальным фактическим и статистическим материалом. Читатель найдет в главе точные данные о количестве и составе плененных японских войск, так войсками Забайкальского фронта было взято в плен 225 371 чел. (с. 213), частями 1-го Дальневосточного фронта захвачено в плен 267 227 чел. (с. 217).

Всего взято в плен, по данным автора, 640 453 чел., из них 609 825 японской национальности (с. 233). В разделе представлены выверенные статистические о соотношении сил воюющих сторон и потерях с обеих сторон, приведено достаточное количество табличного статистического материала, который отражает масштаб боевых действий и успешность военной операции Красной Армии.

Итак, коллективная монография «Государственная и квази-государственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки» формулирует новую концепцию зависимого от Японии государственного образования, основное внимание уделено внутреннему развитию страны, его инфраструктуре. Представляется, что данная работа открывает собой серию работ, посвященных современной характеристике феномена Маньчжоу-Го, более взвешенного подхода к проблеме, пристального и специального исследования заслуживают вопросы экономического развития и ее структурной реформации,

истории Маньчжурской императорской армии и Управления государственной безопасности, других силовых структур, отношения китайского населения к японским властям и переселенцам, а также проблемы китайской и японской историографии темы.

Значительный конкретно-исторический материал по истории и развитию Маньчжоу-Го, его современная оценка и концептуальное обобщение, несомненно, будет полезно для теоретического осмысления других подобных непризнанных государств, число которых на современной карте мира не уменьшается. Государство Мань-

чжоу-Го по заключению авторов коллективной монографии, занимало особое место и «стало базовой площадкой японского эксперимента, известного как «Миссия Японии в Азии» и сыгравшего не последнюю роль в милитаристских планах Страны Восходящего Солнца» (с. 236).

Коллективная монография «Государственная и квази-государственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки» будет интересна востоковедам, политологам, специалистам-международникам, а также практическим работникам: дипломатам, работникам силовых структур, журналистам, преподавателям и аспирантам вузов.

Информация об авторах

Суходолов Александр Петрович — доктор экономических наук, профессор, ректор, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: rector@bgu.ru.

Кузьмин Юрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, кафедра мировой экономики и международного бизнеса, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kuzminuv@ya.ru.

Рачков Михаил Парфирьевич — доктор экономических наук, профессор, советник при ректорате, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: mpr17@yandex.ru.

有关作者的信息

Sukhodolov A. P. — 经济学博士, 教授, 校长; 贝加尔国立大学, Lenin 大街11号, 664003, 伊尔库茨克市, 俄罗斯联邦, 电子信箱: rector@bgu.ru.

Kuzmin Y. V. — 历史学博士, 教授, 世界经济与国际商务系, 贝加尔国立大学, Lenin 大街11号, 664003, 伊尔库茨克市, 俄罗斯联邦, 电子信箱: kuzminuv@ya.ru.

Rachkov M. P. — 经济学博士, 教授, 大学管理的校长顾问, 贝加尔国立大学, Lenin 大街11号, 664003, 伊尔库茨克市, 俄罗斯联邦, 电子信箱: mpr17@yandex.ru.

Authors

Alexander P. Sukhodolov — Doctor of Economics, Professor, Rector, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: rector@bgu.ru.

Yuri V. Kuzmin — Doctor of History, Professor; World Economy and International Business Department, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: kuzminuv@ya.ru.

Mikhail P. Rachkov — Doctor of Economics, Professor, Adviser to the Rector's Office, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: mpr17@yandex.ru.

Для цитирования

Суходолов А. П. История Маньчжурии и государства Маньчжоу-Го: марионеточное государство или квази-государство? (Рецензия на коллективную монографию: Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки / П. Н. Дудин, В. В. Досовицкая, Л. В. Курас, С. В. Карасев, А. В. Тубчинов, В. М. Фоменко, Б. Д. Цыбенков, А. В. Шемелин / науч. ред. Б. В. Базаров. — Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. — 254 с.) / А. П. Суходолов, Ю. В. Кузьмин, М. П. Рачков // Российско-китайские исследования. — 2017. — Т. 1, № 1. — С. 102–107.

For citation

Sukhodolov A. P., Kuzmin Y. V., Rachkov M. P. The History of Manchuria and the State of Manchukuo: a Puppet State or a Quasi-State? (Review of the collective monograph: The state and quasi-state nature of Manchukuo: historical essays/ P. Dudin, V. Dosovitskaya, L. Kuras, S. Karasev, A. Tubchinov, V. Fomenko, B. Zibenov, A. Shilemin/ scientific editor B. Bazarov. — Irkutsk: Publishing house «Ottisk», 2016. — 254 p.). *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 102–107. (In Russian).